

водов и все органы управления демобилизацией военной промышленности. Смена власти фактически означала прекращение демобилизации военного производства на Урале. Новые власти приняли энергичные меры для развёртывания на заводах округа выпуска предметов вооружения для нужд белой армии (14).

Таким образом, демобилизация военной промышленности на Урале, начавшаяся после установления Советской власти, не была завершена. Вопреки мнению, сложившемуся в отечественной историографии о тотальной разрухе и крахе военного производства на Урале с приходом белогвардейских войск, новые власти сумели в короткие сроки мобилизовать военную промышленность округа на удовлетворение собственных нужд. Геополитические реалии гражданской войны привели в дальнейшем советское руководство к мысли о нецелесообразности проведения демобилизации военной промышленности в России.

1. Хроника деятельности правительства // Промышленность и торговля. 1917. № 7 (251). С.176; Съезды и торговые организации // Там же. № 20–21. С.55.
2. Постановление Главного экономического комитета о сокращении промышленности // ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 73. Оп. 1. Д. 686. Л. 16.
3. ЗА ОГАЧО (Златоустовский филиал Объединенного государственного архива Челябинской области). Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2820. Л. 234.
4. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по Обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915—1918 гг. М.,1980. Т.2. С.334; Национализация промышленности на Урале: Сб. док. Свердловск,1958. С.186–188.
5. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–13об.
6. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-375. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–4об.
7. Декреты Советской власти: Т. I. (25 октября 1917 – 16 марта 1918 гг.). М.,1957. С. 553–554.
8. Заводское совещание // Зауральский край. 1915. № 196. С. 3.
9. ЗФ ОГАЧО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 1686. Л. 55–55об.
10. ЦГАУР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. 212. Оп. 1. Д. 11151. Л. 477; Декреты Советской власти: Т. I. (25 октября 1917 – 16 марта 1918 гг.). М.,1957. С. 289.
11. Из сообщения председателя Делового Совета Пермских пушечных заводов в Областное правление национальных предприятий Урала о плане демобилизации завода // ГАПО (Государственный архив Пермской области). Ф. 33. Оп. 2. Д. 1. Л. 56–56об.
12. ЗФ ОГАЧО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2823. Л. 12–14об.
13. ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1305. Л. 22–23 об.; Д. 877. Л. 2–4об.; Д. 876. Л. 1–3; Д. 878. Л. 1–5об.
14. Распоряжение Временного Сибирского правительства от 4 июля 1918 г. // ЗФ ОГАЧО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2934. Л. 125.

Задорожня О.А.

К вопросу о складывании образованного слоя сибирского населения во второй половине XIX в.

В ходе реформ XIX вв. увеличились потребности государства в высококвалифицированных специалистах. Во многих сибирских городах народные, уездные училища преобразовывались в гимназии и реальные училища, учащимися которых были дети представителей всех слоев си-

бирского общества. Из-за недостатка педагогических кадров нередко обязанности преподавателей выполняли бывшие выпускники учебных заведений. Например, в Тобольской мужской гимназии работали: учителем 1 класса - А.К.Белорусов (выпускник Тобольской гимназии 1795-1810 гг.), учителем немецкого языка П.П.Католинский, путь от учителя до должности директора прошел Е.М.Качурин. Постепенно изменялся профессиональный состав педагогического коллектива Тобольской мужской гимназии за счет выпускников средних специальных заведений: духовных семинарий – П.К.Резанов (учитель философии), И.Гиганов (учитель татарского языка), Л.Ф.Иваницкий (законоучитель), Санкт-Петербургской учительской семинарии- Т.Воскресенский (учитель физико-математических наук). В 30-х гг. XIX в. в Тобольск были направлены выпускники высших учебных заведений: Академии Художеств (Г.Ф. Мертлич, Д.П. Шелудков), Санкт-Петербургского пединститута (Г.П. Казанский, М.Л. Попов, И.К. Руммель, Р.Г. Бострем, П.П. Ершов, В. Прутковский и т.д.), Московского университета (Е.И. Величковский), Виленского (Н.Ю. Козловский), Харьковского (П.М. Чигиринцев) университетов. Но больше всего в Сибири в различных учреждениях было выпускников различных факультетов Казанского Императорского университета (1).

Большой популярностью в Зауральском крае пользовались периодические издания выходившие в Казане - еженедельная газета «Казанские Известия», журнал «Заволжский Муравей» (1832-1834 гг.), девизом, которых были слова «Принести пользу и занять любопытство всего Восточного края» (2). В них содержалась самая разнообразная информация о заволжском крае: реклама, сообщения о предстоящих ярмарках, светские новости, статьи студентов и преподавателей различных учебных заведений, известия с мест и т.д. Авторами публикаций были директор Иркутских училищ П.А.Словцов, директора Томского училища Мензинховский и Пермского училища Н.Попов, учителя Тобольской мужской гимназии Е.Лебедев, Омского военного училища В.Вессели, штаб-лекарь из Омска Я.Яроцкий, писатель П.Жданов и др. (3).

Все эти факторы объясняют, почему выходец из Сибирских губерний предпочитал на протяжении XIX в. Казанский Императорский университет. Немаловажную роль сыграло объединение всех типов учебных заведений Сибири в Казанских учебный округ.

По данным источников, выходцы из Сибири поступили в XIX – начале XX вв. на следующие факультеты: физико-математический (143 чел.), юридический (107 чел.), медицинский (96 чел.), историко-филологический (35 чел.) (4). Самым престижным считался юридический факультет, поскольку он гарантировал выпускнику в будущем стабильный материальный достаток и возможность служебной карьеры. Однако поступление на гуманитарные специальности требовало особого уровня

знаний абитуриента, поэтому предпочтение отдавалось физико-математическому факультету с двумя отделениями. Получение образования давало возможность изменения социального положения, расширения материальных возможностей.

Среди студентов были выпускники различных учебных заведений Сибири: духовных семинарий, Томской, Омской, Иркутской и Семипалатинской гимназий, Курганской лесной школы, Томского реального училища, Омского кадетского училища. Многие из них успешно окончили учебные заведения - с серебряной медалью – 15 чел., с золотой – 9 чел. Поэтому последние категории абитуриентов имели преимущества при поступлении в университет в виде рекомендации от педагогических коллективов, среди них были, братья Ершovy, А.Широков, А.Неводчиков, В.Ершов, братья Поплавские, братья Кремлевы и др.

Одним из стимулов поступления в Казанский университет была сравнительно небольшая плата за обучение и возможность получения стипендий. Во второй половине XIX в. существовало несколько видов стипендий: государственные (в среднем составляли 400 рублей в год) назначались правительственными учреждениями: Министерством Просвещения, губернскими канцеляриями Западной и Восточной Сибири, областными органами власти (Иркутской, Семипалатинской, Омской); ведомственные стипендии (300-400 руб.): Оренбургского и Забайкальского казачьего войска, учебных заведений (Иркутской, Тобольской, Томской гимназий); стипендии органов самоуправления: городских управ (Иркутской, Томской), земств (300 руб.). Кроме того, назначались частные именные стипендии, как правило, местными меценатами из купцов, промышленников, дворян. Так, стипендию купчихи Татариновой получал студент юридического факультета А.Родюков, стипендию купеческих братьев Пашенко - студент историко-филологического факультета Н. Галахов (сын тобольского протоерея), будущий медик П.Гоняев – стипендию купчихи Журавлевой, стипендию Островского – студент физико-математического факультета М.Поплавский и т.д. Всего на медицинском факультете, например, получало стипендию – 23 чел., физико-математическом – 13 чел., историко-филологическом – 9 чел., юридическом – 5 чел. (5). Часть малоимущих студентов с согласия администрации зачислялась в «казнокошные». Нередко успевающие студенты из податных сословий привлекались к различным работам в университете или в гимназии, за что освобождались от платы за обучение.

Отметим, что немаловажную роль при получении стипендии играло социальное происхождение студента. Так, ведомственные стипендии в основном получали дети чиновников и духовенства, частные – купеческие сыновья или выходцы их торгующих мещан. Анализ источников показал, что среди студентов-сибиряков 21,5% составляли родственники чиновников разного уровня. Образование для этого круга давало воз-

возможность занимать должности более престижные и высокооплачиваемые. Второе место занимали дети сибирского мещанства, состоявшего в родстве с местной бюрократией или купечеством. Следующими по численности были выходцы из духовенства – 12,6% , сыновья купцов и почетных граждан - 9,5%, крестьяне – 7,1% , дворяне – 3,7% на иностранцев, инородцев и казаков приходится по 0,5%. Так, существовало три уровня значимости факультета или будущей профессии: 1 - для абитуриента, 2- для сословия и 3- для региона (6).

По своему вероисповеданию преобладали среди студентов - православные. В связи с активизацией общественно-политического движения в Сибири увеличивалось число «вынужденных и добровольных переселенцев». Большинство западных христиан были сосланы по разным причинам: участие в национально-освободительном движении, за гражданские и уголовные преступления, по религиозным мотивам и т.д. Здесь им позволялось «записываться» в мещанское и торговое сословие, заниматься свободными ремеслами, а также давать детям образование в высших учебных заведениях. Так, в конце XIX в. в Казанском университете училось 20 католиков из сибирского региона. Среди них выделялись братья Поплавские – выпускники Томского реального училища, братья Герцоги – уроженцы Читы, Китшель – окончил Тобольскую мужскую гимназию. Встречались иностранцы среди католиков-сибиряков – это выпускник Томской гимназии Казаград, Семипалатинский – Штейн и др. В источниках упоминалось несколько представителей лютеранства - это уроженцы Лифляндских губерний и жители Восточной Сибири – студенты физико-математического факультета П.Удрус, А.Штейн, студент историко-филологического – Т.Плакис, медицинского – Р.Борщевский и др. Кроме того, студентами было четыре представителя мусульманской религии, шесть – иудаистов, один молоканин.

Именно этот поток образованных молодых людей оказал огромное влияние на развитие промышленности, предпринимательства и сферы образования в Зауральском крае. Во второй половине XIX в. наблюдалась общая тенденция среди всего студенческого сообщества из Сибири, как правило, они стремились вернуться обратно в регион или поддерживали тесные связи с земляками.

1. Тобольская губернская гимназия. Тобольск, 1889. С 18-19; Сибирский листок. 1904. № 82.

2. Казанская периодическая печать XIX-начала XX века. 1991.

3. В «Казанских Известиях» опубликовано 5 статей П.А. Словцова, 2- Н.Г.Попова, по 1 - Е.Лебедева и Мензиковского; в «Заволжском Муравье» по 1 публикации – В.Б.Вессели, П.Жданова; в «Казанском Вестнике» - 1 публикация О.М.Ковалевского.

4. Список студентов и поступивших слушателей Императорского Казанского университета за 1833-1874 гг., 1910-1911 гг., 1911-1912 гг., 1912-1913 гг., 1914-1915 гг., 1915-1916 гг., 1916-1917 гг.; Список студентов, поступающих слушателей и учениц Повивального института на 1910-1911 гг. Казань, 1910.

5. Список... 1913-1914 гг. Казань, 1915. С.409; Список... 1914-1915 гг. Казань, 1915. С. 11, С. 28, С. 48; Список ... 1915-1916гг. Казань, 1916. С. 29; Список... 1916-1917 гг. Казань, 1917. С. 10, С. 395, 457,462.
6. ГАРТ (Государственный архив республики Татарстан). Ф.977. Оп.619. Д.15. Л.39-44об.; Совет. Д.7462. Л.1-24 об.

Коньшева И.И.

**Земельно-водные отношения в 1920-1930-х гг. на Обском Севере
в исследовании В.Г.Балина**

В 1920-1930-х гг. изучение природных богатств Обского Севера являлось одним из направлений экономической политики Советского государства. Хозяйственное освоение и коллективизация на Севере требовали проведения землеустроительных работ. 10 сентября 1930 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР утвердили совместное «Положение о первоначальном земельно-водном устройстве в просторах Крайнего Севера», которое создавалось «в целях ускорения подъема хозяйственного и культурного уровня населения северных окраин РСФСР, усиления социалистических элементов в местном строительстве и обеспечения успешного проведения советской национальной политики на территориях, населяемых туземными народностями».

В.Г. Балин в работе «Земельные отношения на Обском Севере» (1) охарактеризовал земельно-водное устройство как широкое (обязательное для всех землепользователей), простейшее (производилось всевозможными методами и приемами) и первоначальное (проводилось на территории Крайнего Севера впервые). Автор подчеркнул, что землеустроительные работы проводились под руководством государственных органов, а «на территории бывшего Тобольского округа – работы выполнялись Уральским отделением Госземтреста Тобольской землеустроительной партии, позднее эти функции были возложены на управление землеустройства областных отделов сельского устройства, а на местах – на подотделы землеустройства окружных отделов промыслового и сельского хозяйства». В районах работы велись землеустроительными экспедициями, «куда привлекались квалифицированные специалисты советских, плановых, сельскохозяйственных органов, кооперативных и других организаций округа».

Автор заметил, что в 1920-х гг. земельно-водное устройство носило непоследовательный характер и не представляло собой систему мероприятий, а ограничивалось до издания в 1930 г. «Положения о первоначальном земельно-водном устройстве» лишь водным устройством. С 1930-х гг., по утверждению автора книги, земельно-водное устройство приобрело организованность: «...экспедиционные работы приобрели комплексный характер. Изучению и дальнейшему устройству стали подлежать все отрасли хозяйства...». В.Г. Балин обратил внимание на виды